

Наседкин Е.Н., главный научный сотрудник,

музей – заповедник «Горки Ленинские»

Отъезжие службы купечества в подмосковных таможах и кабаках второй четверти XVIII в.

(по материалам таможен и кабаков в селах Гжель, Новое, Вороново, Молоди, Сальково и др.)

Одним из важных научных направлений, изучаемых в Государственном историческом музее-заповеднике «Горки-Ленинские» является исследование истории усадьбы Горки, деревень Горки, Верхние и Нижние Горки, ныне несуществующего сельца Ивахнино, других близлежащих территорий и края в целом. Это направление исследования также пересекается с другой разрабатываемой в музее темой – историей крестьянского быта.

При изучении краеведческой тематики первостепенной задачей, конечно, остается выявление фактических сведений о владельцах, покупках и перепродажах земельных владений, количестве душ крестьян и т.д. – однако для полноценного использования полученного материала в экскурсионных программах, выставках и экспозициях этого недостаточно. Повествуя об истории места и его жителей необходимо ввести рассматриваемый объект в контекст исторических реалий и обстановки – отсюда проистекает исследовательский интерес к различным сторонам повседневности и быта жителей Южного Подмосковья в прошлом.

В XVII – XVIII вв. Подмосковье было опутано сетью мелких ярмарок и торжков, на которых стояли внутренние таможи. По крупным селам располагались небольшие сельские кабаки. Данные весьма обычные и довольно заурядные заведения в

определенной мере являлись площадкой конфликта интересов государства и населения. Казалось бы, больше всего таможи на деревенских ярмарках должны были причинять неудобства крестьянам и купцам¹, приезжавшим на них, однако больше всего от этих таможен и кабаков страдали жители города, в нашем случае, Москвы.

Дело в том, что государство в порядке повинности обязывало купцов собирать таможенные пошлины, обеспечивать важнейшие государственные монополии, такие как торговля вином, солью и прочими казенными товарами, также купцы должны были исполнять полицейские обязанности и выполнять ряд других служб. Этот вид повинностей имел важное социальное значение, так как отбывать их приходилось практически каждому посадскому тяглецу, и они касались большинства торгово-промышленного населения России. Этот феномен получил название «казенные службы купечества». Данный вид служб известен в российской истории со второй половины XVI века и просуществовали до реформ Екатерины II.

Кандидатов в казенные служители выбирали посадские общины из числа своих тяглецов. Служить в таможах, кабаках и других финансово-хозяйственных государственных учреждениях необходимо было год. Срок службы в органах самоуправления мог быть выше.

По закону, кандидаты обязаны были отвечать ряду требований. В первую очередь им следовало быть грамотными. Неграмотный человек не смог бы вести сложное казенное делопроизводство. Второе условие – зажиточность. По мнению властей, с зажиточного купца было гораздо больше шансов взыскать вероятную недоимку, чем с малоимущего.

Руководители таможен, кабаков или других казенных учреждений назывались «выборными». Ими могли быть только «первостатейные», т.е. самые богатые купцы. Заместителями выборных являлись «ларечные», от слова «ларь», или «сундук». В ларечные попадали купцы из второй гильдии, в составе которой находились люди, имевшее какое-либо свое дело, пусть и небольшое. Низовой уровень составляли «целовальники». Термин произошел от «целования креста», т.е. приношения клятвы служить добросовестно. Целовальниками становились купцы третьей гильдии; они, как правило, зарабатывали на жизнь всякого рода уличной торговлей, работой по найму и прочим.

Служба в казенном учреждении никак не компенсировалась ее исполнителям, она осуществлялась бесплатно. Исследователями не раз обращалось внимание, что данная повинность была тяжела для городского тяглого населения и несла ему разорение и убытки. С особенными трудностями были сопряжены так называемые «отъездные службы».

В XVII и самом начале XVIII в. были распространены посылки выборных служителей в значительно удаленные от места проживания регионы. Во второй четверти XVIII в. предпринимались законодательные попытки ограничить применение практики отъездных служб, но особым успехом они не увенчались. В 1728 г. сенатским указом было запрещено посылать купцов служить в другие города, но уже в 1730-х гг. это запрещение было снято, Сенат теперь запрещал только посылку в другие губернии².

В источниках рассматриваемого периода чаще встречаются упоминания о посылке московских купцов в пределах своего уезда. Сохранились сведения о верном сборщике Василии Петрове, определенном в село Молоди в 1737 г.³, о верном сборщике Степане Овсяникове, посланном «к таможенным зборам» в 1737 г. в села Гжель и Новое

4

, о Федоре Федорове, собиравшем таможенные пошлины в 1735 г. в селе Воскресенском

5

, о Козьме Львове «со товарищи», который был послан в село Вороново

6

.

Исполнение службы в отдаление от дома было само по себе не просто, однако этим сложности не заканчивались. Рассмотрим данный вопрос на примерах таможенной и кабацкой служб.

Таможенные сборы, наряду с винной и соляной казенными монополиями, относились к важнейшему виду косвенного налогообложения. Косвенные налоги играли вторую по значимости роль в формировании доходной части государственного бюджета. По подсчетам С.М. Троицкого, в 1724 г. поступления с косвенных сборов составляли 32,1 % от всей совокупности государственных доходов. Непосредственная доля таможенных сборов в первой половине XVIII в. составляла около 13%, а доход винной монополии 11,4%⁷.

В то время существовали как внешние (пограничные), так и внутренние таможи⁸. Служащие пограничных таможен получали жалование, а работники внутренних таможен исполняли свои обязанности на выборной бесплатной основе.

На плечи выборных таможенных служителей ложились непростые задачи. Дело в том, что осуществление таможенных сборов требовало соблюдения сложной системы учета, связано это было с многообразием операций и сложностью организации, которые отличали таможенное дело того времени. В первой половине XVIII в. существовала чрезвычайно запутанная система учета таможенных поступлений. Многообразие таможенных «розделок» было связано с тем, чтобы держать торговлю под строгим контролем, исключить или по возможности свести к минимуму беспрошленную торговлю»⁹

Торговцу, направлявшемуся с товарами в другой город или на ярмарку, таможенники должны были дать «ропись», сколько и каких товаров он намерен вывезти. После

досмотра товаров и сверки их с росписью служители таможи обязаны были записать товары в «отпускную книгу», а торговцу отдать «отпускную выпись» «за печатью и рукой». Затем выпись необходимо было зарегистрировать в «выписной книге»¹⁰.

Полученная выпись предъявлялась в таможе другого города, куда торговец прибывал. Таможенники регистрировали привоз товаров в «явчую книгу», а после продажи товара брали пошлину и фиксировали ее уплату в той же книге. На проданные товары и уплату с них пошлин выдавалась «платежная выпись», которую торговец привозил в таможеню своего города, где служители таможи должны были ее сверить с предыдущей отпускной. В случае полного совпадения вывезенных и проданных товаров выпись бралась «в зачет».

Если торговец приехал в другой город с деньгами для покупки товаров, то он объявлял в таможе о сумме привезенных денег и платил с них пошлины по пяти денег с рубля. Купленные им товары таможенники обязаны были зафиксировать. В данном случае, они делали общую запись в «явчей книге»: и о явке денег, и о взятии с них пошлин, и о купленных на них товарах. Также они выдавали торговцу для вывоза товара отпускную выпись, которая отмечалась в соответствующей книге. Приехав в другой город, торговец объявлял в таможе привезенные товары и платил вторую половину пошлины: еще по пяти денег с рубля. Если выпись об уплате первой части пошлины не производилась, торговец должен был уплатить полную пошлину: по десяти денег с рубля. Поскольку покупка товаров на явленные деньги и на товарные деньги (вырученные от продажи другого товара) по-разному облагалась пошлиной, то в обязанности таможенных служителей входило четко указывать в книгах и в выписях, на какие именно деньги куплен товар.

Не проданные в прошедшем году товары пошлиной не облагались и фиксировались в специальной «отъявчей книге». Записывались данные товары явкой в книге наступившего года. Если непроданные товары отпускались на продажу в другой город, значит, служителям нужно было вновь зарегистрировать их как вновь купленных, то есть оформить явку, отпуск, получение выписи и так далее¹¹.

Итак, выборные служители в таможах составляли следующие документы: «отпускные», «выписные», «явчии», «отъявчии» таможенные книги; выдавали торговцам отпускные и платежные выписи. Выбранный к таможенным службам служитель должен был прекрасно знать систему таможенных сборов и уметь оперировать большим количеством различных видов документации.

Такое многообразие таможенной документации было характерно для крупных городов, в первую очередь для Москвы. На маленьких сельских ярмарках, «торгах» и «торжках» все сборы записывались в одну единую таможенную книгу, но и эту книгу необходимо было оформить согласно установленному формуляру. Надо отметить, что, как правило, существовало два экземпляра одной и той же таможенной книги: черновой и белой. Переписка набело была отдельной непростой работой.

Поскольку товарооборот маленьких уездных ярмарок был не велик по сравнению с крупным городом, служители сельских таможен имели достаточное количество времени, чтобы сразу же вписывать товар в таможенную книгу, как полагалось по правилам, т.е. набело. Однако, таможенники, отправленные в отъездные службы в уезд, имели дополнительные обязанности, которых не было у тех, кто служил в крупном городе.

В случае отъездных служб таможенная могла быть объединена с кабацкой (службой у «питийного» сбора). Так, в одном из документов «выборный» Степан Степанов, определенный в 1739 г. в село Молоди, называется «выборным таможенных и кабацких сборов»¹². В 1735 г. Козьма Иванов был определен от Московской ратуши верным сборщиком в село Хатынь. С ним «в сотоварищи» был послан Алексей Прохоров

¹³
. В тексте доношения Козьмы Иванова отмечено, что в селе Хатынь был винокуренный завод, но ведал ли «выборный» сборщик винокурением или нет, не указано. Хотя исключать такую возможность нельзя.

На сборщика, посланного в крупное село, ложился не только сбор с торгов данного населенного пункта, но и с окрестных сел. Об этом свидетельствуют документы, посвященные конфликту между двумя выборными, не поделившими место на ярмарке. Выборный Козьма Львов был определен в 1739 г. «для збору питийной прибыли» в село Вороново «с присутствующими» [то есть близкими – Е.Н.] ярмарками¹⁴.

В июне Львов получил приказ ехать на ярмарку в село Салково Спаса Нового монастыря, однако на ярмарку его не пустил староста села и выборный Степан Степанов. На дальнейших допросах Степанов показал, что он был определен в 1739 г. в село Молоди «с присутствующими» к нему селами, в которые ездили торговать прежние верные и откупщики. Жители села Салкова, якобы ему сказали, что раньше в их селе на ярмарках приезжали и торговали выборные села Молоди¹⁵. Также в свою пользу он приводит следующий аргумент: село Салково «присутствует» селу Молоди, а от села

Воронова до села Салкова ехать 25 верст

16

. В Московской губернской канцелярии было решено, что Степанов прибыл в село Салково «без указа»

17

, но о том, каким образом Степанов был оштрафован, сведений не сохранилось.

Выбранные к кабацким службам купцы должны были торговать казенными питиями в государственных кабаках, отдавая всю прибыль в казну¹⁸. Разумеется, проданный товар они были обязаны фиксировать в отчетной документации. Однако прежде, чем начать торговлю, необходимо было заготовить товар: «вино» – т.е. хлебную водку, и пиво. Делом это было весьма хлопотным.

На закупку напитков казной выделялись деньги. Согласно указу от 29 ноября 1700 г.¹⁹ бурмистры, которые производили вино на государственных винокурнях или сами занимались организацией подрядов, получали четверть от планируемой суммы сбора. Те же, кто получали поставки вина из Москвы, получают одну восьмую от суммы сбора. Видимо, подразумевалось, что, получая вино из Москвы

20

, выборным служителям не нужно оплачивать расходы на вино (уже оплаченные в центре). Пиво же, как предполагалось по данному установлению, выборные служители должны были варить на месте.

В реальности система оплаты действовала несколько иначе. Так уже упоминавшийся выборный Козьма Львов получил сумму, которую чиновники посчитали равной 1/8-ой от

предполагавшейся прибыли²¹, полученную сумму он должен был прибавить к итоговой сумме сбора и вернуть ее казну в конце года²². Получение им 1/8-ой означало, что по закону за вино должны были расплатиться без его участия; но на практике платить ему пришлось из своего кармана. Пиво он заказал у подрядчика.

В доношении другого кабацкого служителя, выборного Якова Герасимова, служившего в селе Павлово, также указывается, что он оплачивал вино сам²³. Пиво Герасимову пришлось заготавливать самостоятельно. В своем доношении Яков Герасимов подробно отчитывался о том, сколько ушло денег на каждую конкретную операцию при производстве пива. Интересно само перечисление проделанных операций. Для начала выборному Герасимову потребовалось съездить из села Павлова в Москву и закупить там солод и хмель. Было приобретено 5 четвертей ржаного солода (по 80 коп. за чет.) и 30 четвертей ячного солода (по 60 коп. за чет.), всего было потрачено 22 руб. Предполагалось готовить пиво из сочетания 1 части ржаного солода на 6 частей ячного.

Хмелю было закуплено 6 пудов 10 фунтов (по 1 руб. 40 коп. за фунт), ушло на это 8 руб. 75 коп. Чтобы довезти купленные товары до села Павлова, выборному потребовалось нанять подводу, стоило это 1 руб. 75 коп.

Следующим этапом было производство пива. Для этого выборный нанял специалиста – «пивовара с работниками», стоила их работа 3 руб. 50 коп. Также в этом процессе был задействован водовоз, на его услуги ушел 1 руб. Весомой расходной частью стали дрова для варки – 2 руб. 50 коп., – и это не случайно, так как пиво заготавливалось в больших количествах: в итоге было получено 600 ведер или 5 варь. Отметим также то, что заготовка пива была единовременной операцией и происходила в данном случае в январе – в самом начале срока службы.

Далее готовое пиво было необходимо как-то хранить – это, разумеется, входило в обязанности выборного. Якову Герасимову пришлось нанять бочара для «переуторки бочек», то есть конопаченья и замены обручей, бочару он заплатил 80 коп. Потребовалось отремонтировать ледник – на это ушло 50 коп., а затем набить его льдом – последняя операция стоила 1 руб. 20 коп. Ремонт занимались нанятые для этого работники.

Интересно, что в источнике ледник сначала «ледят» (видимо, охлаждают), а затем уже «набивают» льдом – это явно две разные операции, но в чем состояло их различие, до

конца не ясно.

На все операции по изготовлению и обеспечению хранения пива ушло 42 руб.²⁴ – мероприятие не дешевое и, как видно из всего вышеперечисленного, очень хлопотное, однако его перекладывали на плечи выборных служителей в отличие от заготовления вина, которое присылалось из центра. Связано это могло быть с различием в технологии изготовления напитков. Вино, то есть хлебная водка, изготовлялась при помощи перегона браги в специальных перегонных «кубах». Приготовление пива не требовало каких-либо сложных приспособлений и могло быть приготовлено в обычной избе, хотя сам процесс был довольно трудоемким.

Также нельзя забывать о том, что торговля спиртными напитками была всегда сопряжена с опасностью для выборных служителей, связанной с разного рода преступлениями и хулиганствами, которые могли возникать на почве пьянства посетителей кабаков.

Служба в сельских таможах была также не безопасна. Если московские таможи имели обязательную вооруженную охрану, то маленькие сельские, разумеется, были никак не защищены – это могло приводить к непростым ситуациям. Например, выборный сборщик Лукьян Соколов, определенный собирать в 1730 г. таможенные пошлины в селе Молоди, писал, что боится смертоубийства со стороны жителей этого села. Сборы шли плохо ввиду малолюдства и малого торга, поэтому Лукьян, по его словам, ходил ночью в село смотреть, чтобы никто не торговал ночью²⁵. Лукьян Соколов находился в так называемой «отъезжей службе» и поэтому охраны не имел.

Но основной риск казенных служб заключался не в криминогенной ситуации. Главная опасность заключалась в том, что зачастую выборный служитель не мог выполнить норму по вверенным ему сборам по объективным причинам и, следовательно, оказывался обвиненным в недоимке. Первая причина, которая могла привести к срыву

сборов, заключалась в способе, которым пользовалось государство для расчетов «окладов» таможен и кабаков.

Каждая таможня или кабак имели свой собственный оклад – то есть зафиксированную норму денежных сборов. Оклады, действовавшие во второй четверти XVIII в., разрабатывались в начале 1720-х гг. Данные оклады были чрезвычайно высоки: для большинства территорий они были рассчитаны на основании поступлений за самые удачные годы²⁶, когда в данной местности не происходило никаких климатических катаклизмов, и была благоприятная экономическая конъюнктура. Многие оклады были завышены, так как они были начислены по откупщиковым окладам²⁷.

«Откупщиковые» оклады складывались следующим образом: желающий взять на откуп какой-либо сбор должен был взять на себя обязательство собрать бóльшую денежную сумму, чем та, что была определена по прежнему окладу. Насколько больше будет сумма, которую обяжется собрать откупщик, решалось в каждом случае по-разному – это называлось «наддачей». После того, как откупщик отказывался от продолжения контракта, сбор, которым он занимался, снова переключался на «веру или на ратушу». Оклад же, увеличенный из-за откупщиковой наддачи, уже не уменьшался.

Материалы подмосковных таможен также содержат сведения о том, каким образом вырастал оклад. Например, в селе Павлово и Звенигороде Московского уезда было:

Таблица 1 – Рост окладов в селе Павлово²⁸

«Против табельного оклада»

«Против откупного оклада»

Таможенные сборы

267 руб. 69 коп.

309 руб. 1/2 85 коп.

Кабацкие сборы

94 93 коп.

126 руб. 3 коп.

Итого

362 руб. 62 1/2 коп.

436 руб. 15 1/2 коп.

Таблица 2 – Рост окладов в Звенигороде²⁹

«Против табельного оклада»

«Против откупного оклада»

Таможенные сборы

72 руб. 33 коп.

132 руб.

Кабацкие сборы

971 руб. 9 1/4 коп.

981 руб. 47 коп.

Канцелярские сборы

36 руб. 58 коп.

Не известно.

Механизм повышения оклада может проиллюстрировать следующий случай. В 1730 г. некий Андрей Курочкин взял в селе Воронове на откуп кабак. Контракт был заключен на четыре года с условием, что каждый год будет выплачиваться 143 рубля 10 1/4 коп. В 1735 г. контракт был продлен, и Курочкина обязали увеличить сумму сбора до 150 руб. 24 коп., но в 1738 г. откупщик умер. Никто снова брать кабак на откуп не захотел, и торговать вином в селе Воронове обязали выборного Козьму Львова. Теперь уже Львов должен был собирать 150 руб. 24 коп.³⁰.

Откупщик Курочкин был человеком неслучайным – он был служителем «Кабинетного министра» и обер-егермейстера Артемия Петровича Волынского. Можно предположить, что Курочкин при получении откупа мог использовать влияние своего патрона. Когда он умер, чиновники с предложением взять кабак снова на откуп сразу же обратились к подчиненным Волынского. Об этом свидетельствует фраза в выписке, сделанной в Московской губернской канцелярии: «ево [Артемья Петровича Волынского – Е.Н.] люди того кабака никто содержать не желают»³¹.

Можно обратить внимание, что наддача в 1735 г. была невысока – явилось ли это результатом переговоров Курочкина и чиновников или было использовано покровительство вельможи – мы не знаем, но то, что передача казенных статей дохода на откуп могла использоваться чиновниками в целях личной наживы, весьма вероятно. Об этом говорится в одной из промеморий из доимочной комиссии в Московскую губернскую канцелярию. В промемории речь идет о стремлении чиновников губернских и воеводских канцелярий определять сумму пошлин не по табелям, а «против откупов». Объясняется такое положение дел следующим соображением: «из следственных дел явлено», что в оклад не положено, так как секретари и подьячие «сами владели сборами, вписывая их под видом откупа». Запись пошлин по стоимости откупов оставляла для чиновников широкие возможности для произвола и корыстоования³².

Вышеприведенные ситуации – это примеры сравнительно небольшого увеличения оклада. Но не редкими были случаи значительного роста суммы оклада. При этом исполнение оклада могло стать в принципе невозможным ввиду недорода или другого

стихийного бедствия.

Начало и первая половина XVIII в. имела целый ряд неурожайных лет. Этим отличались 1716, 1718, 1719, 1721–1724 гг., серия недородов прошла также в 1732–1736 гг.³³

Некоторые исследователи отмечают 39 неурожаев в начале XVIII в.,

³⁴

впрочем, это далеко не полный перечень, так как большая их часть еще не освещена в литературе. Регулярные недороды бедственно отражались на благосостоянии населения, подрывали торговлю. Все это приводило к упадку таможенных и иных сборов.

На неурожай как причину недоборов постоянно указывали купцы в своих доношениях. Верный сборщик Федор Федоров и ларечный Алексей Андриянов, собиравшие таможенные пошлины в 1735 г. в селе Воскресенском, писали, что их «недобор учинился за хлебным недородом»³⁵.

Ему вторил другой верный сборщик, Козьма Иванов. Он собирал таможенные сборы с села Хатыни Московского уезду. Оклад по этому селу составлял 116 руб. 40 3/4 коп., Козьмою Ивановым было собрано всего лишь 7 руб. 25 1/2 коп. В недоборе осталось 109 руб. 15 1/4 коп.³⁶

На следствие по недоимке купец дал следующее объяснение: «недобор учинился за неимением торгов и за оскудением всенародным и за недородом хлеба и всякого овоща, да к тому ж наперед сего был винокуренный завод в том же селе, привозили всякий хлеб из разных сел, из того хлеба збиралась таможенная сумма немалая»³⁷.

В своем объяснении выборный приводит две взаимосвязанные причины недобора: уменьшение объемов торговли (фактически отсутствие торговли, то есть «неимение торгов») и сокращение поставок в винокуренный завод хлеба как следствие спада торговли. Таможенная пошлина продажи хлеба на винокуренный завод должна была быть серьезной статьей дохода. Изначальной же причиной были «оскудение всенародное и недород». Данный недород и голод, на который жаловались служители, начался еще в 1733 г., к 1734 г. он охватил значительные территории Центральной России, продолжился он и в 1735 г.³⁸

В материалах дела о недоборе в селе Молоди в 1737 г. Комиссии «о недосланной к Адмиралтейству денежной суммы» сохранилась выдержка из ведомостей, предоставленных Московской губернской канцелярией, данные которых основаны на доношениях и допросе верного сборщика Василия Петрова. Им было собрано всего 70 коп., недобор составил 38 руб. 68 коп. Такой значительный недобор верный сборщик также объяснял уменьшением объема торговли. По его словам, в село Молоди не привозилось «никаких товаров», а таможенные платежи собирались с «харчевого товара» по копейке, по деньге и по полуденьге.

По наблюдениям Василия Петрова, у жителей села Молоди не было товара, так как они пришли в «оскудение и убожество за оскудением скотного корму», рекрутского побора, подушной подати. А также население обеднело, потому что занималось «извозом государственных припасов»³⁹.

Вопрос заготовления корма для скота – постоянная проблема российского крестьянства⁴⁰

, но в данном случае, видимо, произошло что-то чрезвычайное. «Оскудению скотного корма» означало резкий упадок всего сельского хозяйства. Уменьшение количества корма вело за собой падеж скота, а значит, и отсутствие излишков мяса и скота для продажи. Разорялись посева, так как уменьшалось поголовье тяглого скота.

Если исходить из показаний выборного Петрова, причиной бедственного положения населения стали государственные налоги и повинности. Подушные сборы снижали покупательную способность населения, рекрутская повинность влияла на экономическую устойчивость крестьянского хозяйства, так как изымала потенциальных торговцев и покупателей. Число торгующих также уменьшилось из-за того, что часть жителей была обязана в порядке повинностей перевозить государственные «товары».

Об уменьшении количества жителей-торговцев как о причине срыва торгов и последовавшего за этим недобора, подробно рассказывает в своем допросе выборный Степан Овсяников, занимавшийся сборами в селе Гжель Московского уезда. Допрос проводился в «Комиссии следствия о недосланной к Адмиралтейству денежной суммы»:

«В прошлом 737ом году по указу Ея императорского величества и по выбору Московской ратуши второй гильдии купецких людей определен он в Московский уезд в село Гжель и Новое к таможенным зборам, того 737 году генваря съ "1" генваря ж по "1" число 738

годе и собирал тот таможенный зборъ со всяким усердным радением по присяжной должности и по торговому уставу. И в том 737ом году что в показанных селех Гжели и Новом того таможенного збору денежной казны в зборе им было, того он сказать не упомнит»⁴¹. Итак, Степан Овсяников заявил, что в 1739 г. он уже не помнил, какая именно сумма была им тогда собрана. Но со времени его службы сохранились приходно-расходные ведомости, присланные в губернскую канцелярию. В недоборе оказалось 68 руб. 9 1/4 коп. 42

Степан Овсяников объяснял недобор низкой активностью торговли в том селе и значительным оттоком населения: «И тот недобор оказан, того ради что в тех селях в привозе и в продаже никому товаров не было и собрать тех таможенных денег никак невозможно, да к тому от скудости многие разошлись к Москве и в другие города в Санктпитебурх. Также в зимние время тех сел крестьяне по указам из Губернской канцелярии высланы были в Москву с лошадми по разным дорогам в подводы под адмиралтейские и артелериские припасы, под салдат, а иные и сами нанимались у торговых людей под товары, а прочих чинов под всякие припасы и столовые запасы вести от Москвы до Воронежа, до Киева, до Белой церкви, и до Азова, и до прочих новозаваеванных городов. И для того они в домех жили малое время»⁴³.

Как следует из текста, обеднение населения – «скудость» – повлекло за собой уход на заработки в крупные города. Многие жители Гжели были обложены повинностью по извозу «государственных припасов», то есть мобилизованы для снабжения армии и флота. Одновременно с этим крестьяне Гжели активно зарабатывали извозом.

Масштабы их деятельности поражают: фактически, это основные направления южной торговли. Активное отходничество и заработок извозом – это, как известно, специфика именно крупных сел Московского уезда.

Пожары были также далеко нередким бедствием. В 1737 г. Москва пережила пожар катастрофических масштабах. Подмосковным деревням тоже случалось выгорать дотла. В селе Гжели в 1736 г. случился большой пожар, повлекший за собой запустение земель, которое в свою очередь вызвало прекращение торговли хлебом и продуктами питания. В итоге это привело к оскудению, усилило отток населения: « да к тому ж в прошлом "736ом" году в селе Гзеле был великий пожар, в которой того села жители погорели без остатку. И в вышеписанном селе Гжели после показанного пожарного времени многие не построились и земли лежат впусе и от того в том селе проезжие люди постояю против прошлых лет не имеют: а против уезжают в другие села и деревни. И торгов с хлебным и съесными припасы было самое малое число, с которых имелся збор только по деньге и по полденьге»⁴⁴.

Была еще одна причина, чисто бюрократического характера, мешавшая Овсяникову выполнять свои обязанности, а именно: отсутствие печати для опечатывания ящиков, куда он должен был складывать собранные деньги:

«И к тому жъ в томъ селе Гжели и месячных печатей не имелось. И о вышеписанных невозможностях в Московскую губернаменскую канцелярию от него поданы доношения, и токмо по темъ доношениям, какое следствие чинено ль, того он не знает. И за оным препятствием тот недобор у него Овсяникова и учинился»⁴⁵.

Конечно, можно усомниться в абсолютной достоверности показаний выборных служителей, потому как главной их целью было доказать свою неповинность в недоборе. Однако нужно учесть, что выдумывать несуществующую причину служителю было крайне рискованно: его показания могли проверить. Конечно, это не означает, что в доношениях выборных содержится исключительно правда, но то, что служитель, доказывая свою «невиновность», приводил оправдания, которые, по его мнению, должны были быть убедительными для властей, – это, безусловно, факт.

Оправдываясь климатическими катаклизмами, пожарами, обеднением населения в результате нещадной эксплуатации, выборные служители ссылаются на довольно распространенные явления, приводившие к возникновению недоимок. Особенно суровым был недород и голод, начавшийся в 1733 – 1735 гг.⁴⁶

Постоянные климатические катаклизмы усиливали риск возникновения недоимки, ведь изначальные оклады определялись по лучшим годам без учета возможности стихийного бедствия, не говоря о том, что многие из этих окладов потом значительно завышались откупщиками «наддачами».

Проблема завышенных окладов и периодических стихийных бедствий и недородов была общей и для служителей таможен и кабаков в крупных городах и небольших селах. Однако отъездные службы имели и свою специфику, это и необходимость совмещать кабацкую службу с таможенной, и отсутствие защиты от криминала, и, конечно, сложности, связанные с автономным проживанием. Материалы подмосковных таможен и кабаков дали богатый материал для изучения этого явления.

Наседкин Егор Николаевич

1. Внутренние таможи просуществовали до 1753 г.
2. Кизеветтер А.А. Посадская община в России XVIII столетия. М., 1903. С. 287.
3. Российский государственный архив древних актов. Ф. 400. Оп. 2. Д. 744. Л. 5об.
4. РГАДА. Ф. 400. Оп. 2. Д. 758. Л. 2.
5. РГАДА. Ф. 400. Оп. 2. Д. 1017.
6. РГАДА. Ф. 400. Оп. 2. Д. 1063. Л. 1–1об.
7. Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С. 214.
8. Внутренние таможи были упразднены в 1753 г.
9. Малышева И.А. Памятники деловой письменности XVIII в. как объект лингвистического источниковедения. Хабаровск, 1997. С. 36.
10. Там же.

11. Там же.

12. РГАДА. Ф. 400. Оп. 2. Д. 1063. Л. 2.

13. РГАДА. Ф. 400. Оп. 2. Д. 766. Л. 2.

14. РГАДА. Ф. 400. Оп. 2. Д. 1063. Л. 1–1об.

15. Там же. Л. 2–2об.

16. Там же. Л. 5.

17. Там же.

18. В Москве наиболее крупными заведениями, связанными с государственной монополией на продажу вина, были: Каменноостский питейный двор (закупка у производителей и перераспределение вина), Петровский отдаточный двор (продажа вина в мелкий опт) и Никольская Австерия.

19. ПСЗ. Т. IV. № 1816. С. 80–85.

20. В Москве находился Каменноостский питейный двор, где закупалось у частных подрядчиков вино, а затем централизованно распределялось.

21. В реальности полученные им деньги были чуть меньше, чем было надо. Казна ошиблась в свою пользу.

22. РГАДА. Ф. 400. Оп. 2. Д. 1063. Л. 5.

23. РГАДА. Ф. 400. Оп. 2. Д. 754. Л. 29об.–30об.

24. Там же.

25. РГАДА. Ф. 248. Оп. 16. Д. 975. Л. 861.

26. Кизеветтер А.А. Указ соч. С. 467.

27. Там же.

28. РГАДА. Ф. 400. Оп. 2. Д. 754. Л. 2.

29. Там же.

30. РГАДА. Ф. 400. Оп. 2. Д. 741. Л. 2–3

31. Там же.

32. РГАДА. Ф. 400. Оп. 2. Д. 1072. Л. 2.

33. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 2001. С. 13–14.

34. Голода и неурожаи в России с 1024 г. СПб., 1868. С. 17.

35. РГАДА. Ф. 400. Оп. 2. Д. 1017. Л. 1–1об.

36. РГАДА. Ф. 400. Оп. 2. Д. 766. Л. 2.

37. Там же. Л. 2об.

38. Петрухинцев Н.Н. Голод 1733 – 1735 гг. и правительственная политика по борьбе с ним // Особенности российского исторического процесса: сборник статей памяти академика Л.В. Милова : К 80-летию со дня рождения / Отв. ред. А.А. Горский. М., 2009. С. 219–242.

39. РГАДА. Ф. 400. Оп. 2. Д. 744. Л. 5.

40. Милов Л.В. Указ. соч. С. 214–256.

41. РГАДА. Ф. 400. Оп. 2. Д. 758. Л. 2–2об

42. Там же.

43. Там же.

44. Там же. Л. 2об.

45. Там же.

46. Петрухинцев Н.Н. Указ соч. С. 219–242.